

КОНФИГУРАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В АРМЕНИИ

Оглавление

I. Политико-социальная конфигурация.....	3
1. Общая структура власти.....	3
2. Основные политико-элитарные группы.....	4
2.1. Премьерская вертикаль: Никола Пашинян и его аппарат	4
2.2. Консервативно-оппозиционные элиты	7
2.3. Армянская Апостольская Церковь (ААЦ).....	8
2.4. Диаспорные элиты	10
2.5. Силовой аппарат и армия	12
3. Линии раскола и социальной поляризации	14
3.1. Центр – Периферия.....	14
3.2. Поколенческий конфликт	17
3.3. Класово-социальное расщепление	18
3.4. Идентичностные фреймы.....	20
4. Уровень легитимности и управляемости.....	25
4.1. Источники и уровни легитимности.....	25
4.2. Факторы подрыва легитимности	28
4.3. Управляемость: состояние исполнительной и управленческой вертикали	29
4.4. Внешняя управляемость.....	31
4.5. Потенциальные сценарии изменения управляемости	33
5. Выводы по главе.....	34

I. Политико-социальная конфигурация

1. Общая структура власти

После «бархатной революции» 2018 года Армения формально закрепила модель **парламентской республики**, однако на практике установился **персоналистский режим с технократической оболочкой**, выстроенный вокруг премьер-министра Никола Пашиняна.

Таблица 1. Конституционно-формальная модель

Согласно Конституции, Армения — парламентская республика, где основная исполнительная власть сосредоточена в руках премьер-министра, избираемого парламентом.
Президент выполняет церемониальные и ограниченно арбитражные функции , не обладает правом вето или собственной политической линией.
Парламент (Национальное Собрание) избирается по пропорциональной системе. Однако доминирование одной партии сводит систему к однопартийному контролю над ним.

Фактический центр принятия решений — офис премьер-министра. Пашинян контролирует не только правительство, но и **основные кадровые назначения в судебной системе, силовых ведомствах и ключевых регуляторах**. А партия «Гражданский договор» формирует большинство в парламенте и обеспечивает принятие законов в логике исполнительной вертикали.

Ключевые рычаги:

- Аппарат правительства — как политико-административный центр.
- Информационные каналы, частично завуалированные через аффилированные структуры (в том числе цифровые паблики).
- Связь с прозападной частью армянской диаспоры и донорской экосистемой.

Таблица 2. Институциональные противовесы: слабость и зависимость

Судебная система подверглась «реформированию», которое на деле укрепило зависимость от исполнительной власти.	Конституционный суд потерял статус независимого арбитра после ротаций, связанных с конфликтом между Пашиняном и пост-саргсянскими структурами.	Армия с 2020 года находится в состоянии структурной деморализации и перестройки. Попытки подавить влияние ветеранов и офицерского корпуса создают латентный конфликт между государством и силовыми институтами.
---	--	---

Роль президента – функция ширмы. Президент Ваагн Хачатурян (с 2021 года) – бывший соратник Пашиняна по прозападным сетям, не обладает собственным политическим весом. Его деятельность сводится к участию в международных форумах, подписанию актов, а также демонстрации «институционального плюрализма» во внешнеполитическом позиционировании.

Неформальные механизмы власти Пашиняна держатся на институциональном контроле, но и на **медиаконтроле (в том числе через Telegram и YouTube-площадки), влиянии на диаспорные центры, активном использовании прозападных НПО.**

Система власти в Армении может быть охарактеризована как **квази-гибридный режим** с элементами:

- *Парламентской фасадности* (демократические процедуры при моноконтроле);
- *Популизма* (управление через харизму и мобилизацию);
- *Технократической витрины* (имитация управляемости через молодых чиновников и цифровизацию).

Армянская политическая система снаружи — парламентская, но по сути — **персоналистская и уязвимая к внешнему давлению и внутренним фрагментациям.** Её устойчивость зависит от способности Пашиняна балансировать между страхом населения, внешними обещаниями Запада и подавлением консервативных элит. Такая конструкция нестабильна в условиях кризисов и даёт пространство для управляемого фрейминга и стратегического влияния.

2. Основные политико-элитарные группы

2.1. Премьерская вертикаль: Никол Пашинян и его аппарат

Премьер-министр Никол Пашинян является **центральной фигурой армянской политической сцены** с момента «бархатной революции» 2018 года. Его власть строится не на классических институтах, а на **гибридной конфигурации персонального контроля, цифровой мобилизации и фрагментированной легитимности.**

Идеологическая и символическая база:

- Пашинян выстраивает собственный образ как **лидера-антисистемщика**, продолжающего борьбу с «прежними коррумпированными элитами» (Кочарян, Саргсян).
- Его политический нарратив базируется на **антиолигархической риторике, прозападной ценностной рамке, антикризисной прагматике и популистском демократизме.**
- Стратегия коммуникации опирается на **упрощение конфликтов до бинарной модели:** «мы (народ) против них (старых элит)».

Таблица 3. Ключевые институциональные опоры

Партия «Гражданский договор»	формальный каркас власти, сформированный преимущественно из лояльных технократов, публичных активистов и управляемых депутатов
-------------------------------------	--

Аппарат премьер-министра	действует как центр принятия стратегических решений, концентрируя в себе функции координации между ветвями власти
Совет национальной безопасности	при формальной коллегиальности в реальности работает как продлённая рука премьерской повестки
Министерства и силовые структуры	находятся под контролем лояльных исполнителей, часть которых интегрирована через личную преданность, часть — через систему внешнего давления и аффилированных с Западом кадров

Таблица 4. Неформальные каналы влияния

Канал	Описание
Медиаэкосистема	в том числе через аффилированные Telegram-каналы, YouTube-интервью, паблики и медиаплатформы типа CivilNet, EVN Report, регулярно формирует позитивный фрейм вокруг действий Пашиняна
Сеть прозападных НПО и фондов	(включая Soros Foundation Armenia, European Endowment for Democracy и др.) предоставляет инфраструктурную поддержку через экспертизу, гранты, кадровый резерв
Цифровая мобилизация	использование социальных сетей как инструмента обхода традиционных СМИ и прямого воздействия на молодёжную аудиторию

Аудитории поддержки:

- **Городская молодёжь:** воспринимает Пашиняна как реформатора, символ «новой Армении», особенно в Ереване и вузовских кругах.
- **Средний класс и миграционно ориентированная часть населения:** ценит прозападный вектор как инструмент мобильности и выживания.
- **Западная диаспора:** активно поддерживает риторику реформ, борьбы с коррупцией и нормализации с Турцией и Азербайджаном.

Геополитические предпочтения:

- Активное сближение с ЕС, особенно с Францией, а также сотрудничество с США в сфере демократии, IT, оборонной реформы.
- Публичный дистанцированный нейтралитет к РФ, сопровождаемый риторикой «предательства» (в связи с Арцахом) и акцентом на «разнонаправленную многовекторность».
- Одновременные попытки удерживать каналы связи с Ираном как балансирующей силой.

Премьерская вертикаль в Армении — это не столько партия или институты, сколько персонализированная медиамашина и сетевая конструкция, опирающаяся на внешнюю поддержку, цифровое поле и разрушение традиционных элитных связей. Её сила — в управлении

восприятием, а слабость — в отсутствии глубокой легитимности и устойчивых структур контроля в критических сегментах (армия, церковь, провинции).

Премьерская вертикаль Пашиняна сильна в тактическом управлении повесткой, но уязвима в стратегической устойчивости. Она держится на **временном союзе урбанизированных слоёв, цифровых инструментов и внешнеполитического прикрытия**, но лишена прочной институциональной глубины и органической поддержки в консервативной части общества.

Это говорит о внешнеполитической слабости власти Армении, как к латентной интеграции (через реформу, культуру, антикризисную экспертизу), так и через **точечный подрыв** (через символические удары по моральному лидерству, армии и церковной легитимности режима).

Таблица 5. SWOT-анализ премьерской вертикали Пашиняна

	<u>Возможности</u>	<u>Угрозы</u>
	- Геополитический манёвр: укрепление связей с ЕС и США на фоне охлаждения с РФ - Применение информационного контроля как инструмента мягкой стабилизации. - Возможность переформулировать нарратив через гуманитарный, идентичностный и постконфликтный фрейм - Привлечение международных инвестиций и донорской помощи как способ удержания ресурса	- Консервативная контрмобилизация (церковь, офицеры, ветераны) при внешнем или военном кризисе. - Внутренний саботаж в армейских и силовых структурах при дестабилизации - Риск социального взрыва в Сюнике, при повторной эскалации с Азербайджаном - Потеря контроля над медиаполем в случае атак с двух флангов (консерваторы + леворадикалы)
<u>Сильные стороны</u>	<u>Стратегия развития</u>	<u>Стратегия защиты</u>
- Централизация власти в руках одного актора: скорость и контроль принятия решений - Контроль над парламентом, судом, МВД, Службой нацбезопасности - Развитая цифровая инфраструктура воздействия (Telegram-каналы, соцсети, блогеры, государственные СМИ) - Поддержка прозападных молодёжных, диаспорных и донорских групп - Умелое использование популистской риторики и морального антагонизма с «старыми элитами»	- Использовать цифровой контроль и поддержку Запада для структурной трансформации институтов. - Через доступ к донорам усилить реформаторскую легитимность в глазах молодёжи и диаспоры. - Продвигать идею «цивилизационного выбора» через собственные медиа как инструмент «мягкой перезагрузки» общества.	- Через контроль над медиаполем нейтрализовать дискурс «предательства» и деморализации. - Активировать внешнюю поддержку (ЕС, Франция) как щит от внутренних атак. - Создавать симулякры реформ и диалога с силовиками и церковью для разрядки напряжения
<u>Слабые стороны</u>	<u>Стратегия компенсации</u>	<u>Стратегия минимизации ущерба</u>
- Эрозия легитимности после поражения в Карабахе; недоверие в армии, провинциях и церковной среде - Отсутствие сильных институциональных	- Отсутствие глубинной поддержки можно частично нивелировать за счёт интеграции идентичностных, культурных и диаспорных инициатив. - Западная помощь использоваться как компенсация отсутствия внутреннего консенсуса (напр.	- При риске протестной волны — быстрый символический откат (кадровые отставки, «национальный диалог», жёсткая риторика против Азербайджана). - Использование внешних угроз (Турция, Азербайджан) как способ сплочения вокруг власти.

противовесов порождает управленческий «эхо-эффект» • Зависимость от внешней поддержки (финансовой, символической, экспертной) • Ограниченный кадровый резерв, дефицит стратегических управленцев • Персонализация власти без «второй линии» преемственности и защиты	экономические пакеты для провинций). • Модернизация судов и силовых структур может снизить критику в сторону «прозападного колониализма».	• Поддержка цифровых репрессий против нелояльных Telegram-каналов и региональных медиа.
--	---	---

2.2. Консервативно-оппозиционные элиты

Оппозиционный блок представляет собой консервативно-националистический спектр элит, стремящихся к ревизии итогов «бархатной революции» и поражения в Арцахе. Это **неоднородная, но связанная системой культурных кодов, символической власти и постсоветской идентичности среда**, на которую опирается оппозиция в Армении.

Таблица 6. Ключевые акторы и политические структуры

Актор	Описание
Роберт Кочарян (экс-президент, лидер блока «Айастан»)	на него ориентированы националисты и сторонники союза с РФ, пользуется поддержкой части силовиков и ветеранов
Серж Саргсян	менее активен, но сохраняет влияние через остаточные структуры Республиканской партии и региональные элиты
Партия «Родина» и лидер Артур Ванецян (экс-глава СНБ)	играет на поле национальной безопасности и защиты суверенитета
Множество нелегализованных движений с акцентом на возвращение истинных/традиционных армянских ценностей (часто ассоциированы с церковью и офицерским корпусом)	

Идеологические установки:

- **Традиционализм и армянская государственность как миссия.**
- **Безусловный приоритет Карабаха** и неприятие любых компромиссов с Азербайджаном.
- **Стратегическое сближение с Россией и Ираном** как гарантия безопасности Армении.
- Враждебность к прозападным элитам, которых обоснованно считают **агентами разрушения и морального упадка**.

Каналы влияния:

- **Региональные администрации**, особенно в Сюнике, Шираке.
- **Офицерский корпус и ветеранские объединения** — как силовой и моральный резерв.
- **Армянская Апостольская Церковь** — пересечение с церковным полем даёт им нарративную глубину.

- **Медиа:** телеканалы «5-й канал», «Yerkir Media», а также **Telegram-каналы** («Армения против капитуляции», «Национальный голос», региональные паблики).
- **Оффлайн-инфраструктура** — культурные общества, военные клубы, церковные братства.

Таблица 7. SWOT-анализ оппозиционного блока

Сильные стороны	Слабые стороны
• Глубинная культурная и символическая легитимность: ассоциация с победами, Арцахом, «армянской миссией». • Поддержка армейских кругов, ветеранов, церкви и регионов (особенно Сюника и Ширака). • Укоренённость в архетипах сопротивления и коллективной идентичности. • Разветвлённая офлайн-инфраструктура (клубы, приходские сети, региональные лоялисты).	• Отсутствие обновлённого лидерства: фигуры Кочаряна и Саргсяна воспринимаются как прошлое. • Слабый охват молодёжной и городской цифровой аудитории. • Дискредитированы коррупционным наследием и авторитарными ассоциациями. • Отсутствие системной международной поддержки и доступа к внешним платформам.
Возможности	Угрозы
• Рост разочарования в Пашиняне, особенно при повторной эскалации конфликта с Азербайджаном. • Возможность возглавить патриотическую мобилизацию или "кризис национального спасения" • Союз с церковью, армейским подпольем и традиционалистскими НПО для создания "фронта восстановления" • Потенциал уличной мобилизации и регионального саботажа (особенно на юге страны)	• Жёсткий контроль режима над силовиками, медиа и судом: ограничение публичного доступа • Информационная маргинализация и цифровая блокировка как инструмент вытеснения из повестки • Использование Западом и Пашиняном темы "контрреволюции" для делегитимации оппозиции • Внутренний раскол между поколениями и кланами, отсутствие координационного центра

Оппозиционный блок — это **глубинная, но латентная угроза действующей власти**, особенно в кризисных сценариях. Их сила — в символике, социальной памяти, и эмоциональной инфраструктуре, а слабость — в трудностях к приспособлению к цифровой повестке. Они — **носители архетипов «осаждённой крепости», «преданного народа», «священной миссии», что делает их чувствительными к медийно-филогенетическому воздействию.**

Оппозиционный блок в Армении — это **структурно ослабленная, но символически мощная элита**, способная к резкому возвращению на фоне кризиса. Он живёт в **пространстве памяти, ритуала и утраты**, но несть сложности к адаптации к «цифровому настоящему». Они могут выступить как буфер и фреймовый рычаг против прозападного вектора.

2.3. Армянская Апостольская Церковь (ААЦ)

Армянская Апостольская Церковь — не просто религиозный институт, а **архетипическая структура национальной идентичности**, функционирующая как **носитель исторической преемственности, моральной легитимности и культурной суверенности**. В условиях политической нестабильности Церковь становится **неформальным центром силы**, способным влиять на повестку, мобилизовать общество и легитимировать альтернативные элиты.

Историческая и символическая роль ААЦ имеет несколько важных аспектов – это один из старейших институтов армянской государственности, переживший все формы власти: от персидского владычества до СССР. Армянская Апостольская Церковь сохраняет **контроль над ключевыми национальными ритуалами**, включая брак, похороны, праздники, армянскую идентичность как таковую. А в период без государственности именно Церковь формировала «объединяющее ядро» нации – этот метанарратив глубоко укоренен даже в светской части общества.

Политическая позиция:

- ААЦ **официально декларирует внеполитичность**, но фактически поддерживает **традиционалистские и патриотические элиты**.
- Часто выступает как **скрытый оппонент прозападного курса Пашиняна**, особенно по вопросам семьи, гендера, уступок в Карабахе и религиозного нейтралитета.
- После войны 2020 года Католикос резко активизировал публичные выступления, **критикуя моральное состояние нации и власть**, что интерпретируется как попытка выстраивания альтернативной моральной вертикали.

Церковные нарративы и медиа:

- Основные критические мессенджи в отношении Пашиняна: «потеря духовного стержня», «предательство корней». «угроза культурной деградации».
- **Библейские и историко-национальные фреймы**: Армения как ковчег, Пашинян как Ирод, Арцах как Голгофа.
- Влияние распространяется через:
 - Пастырские послания;
 - Проповеди с политическим подтекстом;
 - Церковные СМИ и приходы;
 - Telegram-каналы традиционалистского толка, часто анонимные, но связанные с церковными кругами.

Аудитория и социальная база

- **Провинции**, особенно юг (Сюник, Вайоц Дзор), где Церковь сохраняет реальное влияние на общины.
- **Пожилые и малообеспеченные слои**, ориентирующиеся на национальный суверенитет и моральную традицию.
- **Часть офицерского корпуса и ветеранов**, связывающих государственность с духовной миссией.

Армянская Апостольская Церковь — это **моральная и символическая вертикаль, параллельная политической власти**. Она не конкурирует напрямую, но **влияет на ценностные и кризисные оценки событий**, особенно в периоды поражений и уступок. Любая серьёзная кампания в армянском обществе (антикризисная, антизападная) **не может игнорировать Церковь как фрейм-генератор** и канал глубинной идентификации.

Таблица 8. SWOT-анализ Армянской Апостольской Церкви

Сильные стороны	Слабые стороны
• Историческая легитимность и архетипическая глубина (Церковь как хранитель нации). • Влияние на региональные и консервативные общины; повседневное культурное присутствие. • Связь с армией, ветеранами, традиционалистскими элитами. • Символический авторитет Католикоса как метафизического арбитра.	• Ограниченная цифровая инфраструктура, слабое проникновение в молодёжную среду. • Формальная аполитичность ограничивает манёвренность в острых конфликтах. • Внутренний разрыв поколений: часть духовенства пассивна или деморализована. • Уязвимость к критике со стороны либеральной и урбанизированной общественности.
Возможности	Угрозы
• Участие в формировании ценностной альтернативы прозападному вектору. • Создание альянсов с традиционалистскими, армейскими и культурными элитами. • Формирование образа «моральной оппозиции» без необходимости прямой конфронтации. • Возвращение Церкви в роль интерпретатора нации в условиях духовной и геополитической дезориентации.	• Попытки режима маргинализировать или подчинить Церковь через юридические или информационные атаки. • Использование Западом темы "религиозного фундаментализма" как контрнарратива. • Потенциальный конфликт с частью диаспоры (особенно либеральной), не признающей авторитет Эчмиадзина. • Рост конкуренции со стороны сект, альтернативных духовных движений, цифровых «гуру».

Армянская Апостольская Церковь остаётся **одним из немногих источников архетипической власти в Армении**, но не может действовать фронтально. Её стратегический путь — **мягкое, символическое фреймирование происходящего как моральной катастрофы и создание тени альтернативной легитимности**. Церковь — **потенциальный триггер в кампаниях глубинного воздействия на структуру восприятия**.

2.4. Диаспорные элиты

Армянская диаспора — один из самых влиятельных факторов армянской внутренней и внешней политики. Она выступает как **внешний источник финансирования, давления, легитимации и одновременно конфликта ценностей**, разделяя общество и элиты Армении на основе геополитической идентичности и исторической памяти.

Таблица 9. География и структура

Западная диаспора	Евразийская диаспора
США (особенно Калифорния, Массачусетс) — сильное проникновение в (леволиберальную среду)	Россия — наиболее многочисленная и экономически интегрированная. Сосредоточена в Москве, Краснодаре,

демократическую и гуманитарную повестку, тесная связь с НПО, медиа и гуманитарными структурами.		Ростове, Екатеринбурге. Фокус — бизнес, церковь, традиция.
Франция — доминируют культурно-политические круги с акцентом на "цивилизационный выбор Европы", тесная связь с левыми и христианско-демократическими партиями.		Иран, Ближний Восток — более консервативная, ориентирована на культурное наследие, историческую память и прагматизм.
Канада, Германия — менее активны, но поддерживают дискурс прав человека и реформ (леволиберальные представители).		Грузия — смешанный кластер: часть интегрирована в грузинскую систему, часть — в трансграничный бизнес.
Ценности	- Поддерживает Пашиняна и прозападные реформы. - Продвигает антикоррупционный, правозащитный, европейский дискурс. - Является основным источником внешней критики в адрес России и традиционалистов. - Активна в цифровом поле, занимается гуманитарными проектами, лоббизмом в ООН, Конгрессе США, Европарламенте.	- Склонна поддерживать статус-кво и стратегическое партнёрство с РФ. - Не воспринимает прозападную риторику как жизнеспособную в условиях экзистенциальной угрозы. - Обладает культурно-социальным ресурсом на местах (церкви, бизнес-сети, образование).

Каналы влияния:

- **Финансовые вливания** — через донорские программы, благотворительность, гранты.
- **Образовательные и медиа-платформы** — участие в создании и продвижении нарратива (армянские СМИ за рубежом, YouTube, Telegram, подкасты, think tanks).
- **Лоббизм** — западные диаспоры формируют устойчивые группы в политических институтах (ARMENPAC в США, CCAF во Франции).
- **Культурные коды** — диаспорные элиты часто действуют как «архив памяти» и поставщик символических ресурсов: геноцид, борьба за Карабах, роль Церкви, армянство как миссия.

Диаспора — это **многоуровневый и конфликтный субъект**, способный как стабилизировать, так и радикализировать армянское общество. Она формирует **фреймы внешней политики, моральной легитимности и исторического смысла**, но при этом **не имеет встроенных обязательств перед армянским населением**. Управление этим фактором требует дифференцированной тактики: с Западом — идеологический дрейф, с Востоком — культурная интеграция, с обеими — символический капитал национального единства.

Таблица 10. SWOT-анализ диаспорных элит

Сильные стороны	Слабые стороны
- Финансовая мощь, лоббистские ресурсы, доступ к внешним центрам силы (Вашингтон, Париж, Брюссель). - Символическая легитимность как «голоса совести нации» — геноцид, Арцах, историческая миссия.	- Отсутствие единой стратегии и централизованной координации между диаспорными группами. - Разрыв между нарративами диаспоры и актуальными нуждами населения в самой Армении. - Недостаточная эмпатия к социально-экономическим реалиям Армении, «миссионерский» подход.

• Обширная медиа- и НКО-инфраструктура, интегрированная в западные гуманитарные и политические сети. • Возможность прямого воздействия на внешнеполитический курс Армении через транснациональные каналы.	• Противоречивое восприятие внутри страны: часть населения считает западную диаспору «моральными колонизаторами».
Возможности	Угрозы
• Формирование новых программ по развитию экономики, реформ, образования и безопасности. • Использование информационных каналов для международной легитимации интересов Армении. • Потенциал диаспоры как посредника в переговорных и гуманитарных миссиях. • Мягкая культурная интеграция и экспорт идентичности (образование, кино, медиа).	• Усиление конфликта между западной и евразийской диаспорами → ослабление имиджа единой нации. • Втягивание Армении в идеологические конфликты Запада (ЛГБТ, миграция, «демократия против автократии»). • Активизация антидиаспорного дискурса внутри Армении в условиях кризиса или военной мобилизации. • Использование диаспоры как прокси-инструмента внешнего давления (особенно США и Франции).

Диаспора — это **аморфный, но стратегически значимый субъект**, который может играть как стабилизирующую, так и деструктивную роль. Её сила в ресурсах и символической, слабость — в оторванности от реальной жизни Армении. Диаспоры могут эффективно **влиять**: с одной стороны — в культурную дипломатическую сферу, с другой — в технологическом и социальном трансфере. Однако **идеологическое экспортное давление** может вызвать обратную мобилизацию и делегитимацию.

2.5. Силовой аппарат и армия

Силовой блок Армении — это **травмированный, но сохраняющий институциональную память организм**, который после войны 2020 года оказался в состоянии деморализации, реорганизации и политической маргинализации. Армия и спецслужбы утратили былой статус сакрального института, но при этом остаются **носителями легитимности в глазах части общества** и потенциальной площадкой для контрэлитного формирования.

После 2020 года произошла значительная трансформация силового блока: масштабные ротации в командном составе — десятки генералов и офицеров ушли в отставку или были смещены. В то же время премьер Пашинян инициировал демилитаризацию влияния армии в политике, делая ставку на гражданский контроль и технократические реформы. Была создана новая Служба патрульной полиции, увеличено влияние СНБ (Службы национальной безопасности) как инструмента внутреннего контроля.

Политическая лояльность силового блока под существенным вопросам — существуют значительные симптомы глубокого раскола между силовым блоком и политической элитой. Так в 2021 году имел место эпизод — тогда Генштаб публично потребовал отставки премьер-министра Пашиняна.

Помимо этого существует разрыв между старым офицерским корпусом (воспитанным на союзнической доктрине с РФ) и новым поколением лояльных правительству Пашиняна управленцев. Созданная структура (Служба патрульной полиции) и усиленная СНБ более лояльны лично Пашиняну.

Латентный потенциал:

- **Ветераны войны, боевые офицеры, спецназовцы** — активно включены в оппозиционные движения, включая оппозиционно-консервативный блок.
- Потенциал армии как **триггера кризисного транзита** сохраняется, особенно в условиях новой эскалации или массовых беспорядков.
- Часть структур близка к РФ и Ирану, выступает как **культурный и институциональный резерв для альтернативной легитимности**.

Таблица 11. SWOT-анализ силового блока

Сильные стороны	Слабые стороны
• Институциональная память и боевая легитимность (особенно у ветеранов Арцаха). • Сетевая поддержка внутри традиционалистского и пророссийского сегментов. • Потенциал быстрой мобилизации в условиях кризиса. • Образ последнего бастиона национальной субъектности в массовом сознании.	• Деморализация после поражения в 2020 г. и потери Карабаха. • Фрагментация командования и конфликт поколений в Генштабе. • Исключение армии из публичной и политической жизни, давление со стороны правительства. • Цифровая слабость, отсутствие чёткой информационной доктрины и каналов воздействия на молодёжь.
Возможности	Угрозы
• Эскалация конфликта с Азербайджаном может восстановить субъектность военных. • Альянс с Церковью, ветеранами и оппозиционно-консервативными элитами в случае народного кризиса. • Создание образа "армии народа", а не режима — при уличной мобилизации или катастрофах. • Потенциальный арбитраж в постпашиняновский транзитный период.	• Политическая изоляция и дальнейшее вымывание офицерского ядра. • Систематическая зачистка Пашиняном нелояльных кадров — риск полной фрагментации. • Попытка внешнего контроля над армейскими программами и обучением (в т.ч. через НАТОвские курсы). • Использование армейского дискурса в антивоенных или глобалистских кампаниях Запада.

Информационное присутствие:

- Силовики слабо представлены в официальной повестке, но активно используются в **альтернативных нарративах**:
 - Telegram-каналы, ассоциированные с ветеранами и офицерами («Армия и Честь», «Боевой Карабах»).
 - Криптомедиа и сетевые ресурсы, представляющие силовиков как **«последнюю защиту нации»** от прозападного упадка.

Фреймы и восприятие

- В массовом сознании армия отошла от образа сакральной силы, но сохранила **репутацию последней линии ответственности**.
- Прозападные круги **критикуют милитаризм и «советское наследие»** армии, что отдаляет часть военных от власти.
- Для традиционалистов армия — **остаток "истинной Армении"**, связанной с Русским миром, Арцахом, Церковью.

Силовой аппарат Армении — это **разделённый, переоформленный, но ещё не демонтированный институт**, в котором скрыт латентный центр сопротивления и резерв стратегического влияния. Контроль над армией — **не столько силовой, сколько информационно-ценностный**: она воспринимается как зеркало легитимности власти. В кризисной ситуации армия способна стать **фактором трансформации режима** — либо прямым, либо через саботаж и моральное дистанцирование.

Армия и силовой аппарат — **сакрально уцелевший, но политически изолированный институт**, который в случае краха режима или новой войны может стать не просто участником, а арбитром будущего. При этом, если армейские сети будут окончательно разрушены, Армения утратит **не только боеспособность, но и коллективное чувство государственности**. Поддержка скрытого институционального ядра армии может стать **стратегическим якорем в условиях транзита, смуты или геополитического поворота**.

3. Линии раскола и социальной поляризации

3.1. Центр – Периферия

Армения демонстрирует выраженный геосоциальный раскол по линии «центр – периферия», в первую очередь сосредоточенный вокруг Еревана как символа либерализации, институционального контроля и прозападной ориентации. В то время как столица концентрирует ключевые органы власти, бизнес-структуры, IT-сектор, грантовые и НПО-сети, провинциальные районы остаются более традиционалистскими, патерналистски настроенными и ориентированными на историко-культурные формы легитимности.

В Ереване наблюдается наибольшая плотность политически активного населения, особенно молодёжи, склонной к протестной мобилизации, цифровому активизму и идеологической либерализации. Именно здесь концентрируются университеты, медиацентры, международные структуры и цифровые платформы, влияющие на формирование повестки. Ереванская публика —

это ядро электората Пашиняна, наиболее восприимчивого к прозападной риторике, популистским призывам к борьбе с коррупцией и дискурсу «европейского выбора». Социальный капитал в центре базируется на доступе к информации, иностранным инвестициям и культурной мобильности.

В отличие от центра, периферия (Сюник, Гегаркуник, Тавуш, Ширак и другие области) живёт в условиях институциональной фрагментации, экономической зависимости от трансфертов, религиозной и семейной солидарности. Здесь сохраняется высокая поддержка консервативных и традиционных ценностей, авторитет Армянской Апостольской Церкви и символический статус армии. Социальные установки периферии фокусируются на коллективизме, памяти о Карабахе, недоверии к ереванской бюрократии и опасениях перед экспансией либеральной прозападной идеологии. В условиях военной угрозы именно эти территории демонстрируют готовность к мобилизации, но при этом не вовлечены в производство повестки — они её скорее потребляют и перерабатывают через собственные традиционные фильтры.

Таблица 12. Сравнительная таблица характеристик центра и периферии

Параметр	Центр (Ереван)	Периферия (области)
Социальная база	Молодёжь, IT-класс, госаппарат, НПО	Пенсионеры, аграрии, офицеры, церковные общины
Геополитическая ориентация	Запад (ЕС, США), либеральные ценности	Россия, Иран, традиционализм
Тип политической лояльности	Персонализм (Пашинян), протестный активизм	Идентичностный консерватизм, пассивное сопротивление
Информационная инфраструктура	Цифровые каналы, соцсети, YouTube	ТВ, локальные Telegram-каналы, церковные медиа
Уровень институционального доверия	Средний, ориентирован на «процедуру»	Низкий, доминируют символические формы легитимации
Ценности	Индивидуализм, мобильность, модернизация	Коллективизм, сакральность, укоренённость
Доминирующий фрейм безопасности	«Свобода от коррупции, реформы»	«Физическая выживаемость, национальное спасение»
Отношение к власти	Условная поддержка как «меньшего зла»	Тотальное недоверие, фрустрация, ностальгия по прошлому

Анализ Telegram-каналов и комментариев к региональным новостям показывает два параллельных поля когнитивного восприятия событий: в Ереване — акцент на процедурной легитимности, реформировании, интеграции с Западом; в регионах — на утрате национального достоинства, кризисе идентичности, утрате Карабаха и неэффективности ереванской власти. Это порождает фреймовый разрыв: одни воспринимают Армению как «реформируемую систему», другие — как «осаждённую крепость».

Таблица 13. Фреймовая дивергенция

Событие	Интерпретация в центре (Ереван)	Интерпретация в периферии (регионы)
Потеря Карабаха	«Не было другого выбора», «спасли страну»	«Национальное предательство», «утрата чести»
Поддержка Западом реформ	«Шанс на развитие», «интеграция в цивилизованный мир»	«Колонизация», «разрушение традиций»
Конфликт с офицерским корпусом	«Очистка от саботажа», «демократический контроль»	«Уничтожение защитников», «путь к капитуляции»
Гуманитарные проекты диаспоры	«Модернизация», «европейские ценности»	«Моральный диктат», «далёкие не понимают реальность»
Активность НПО	«Гражданское общество»	«Грантоеды», «пятая колонна»

Метод фрейм-анализа позволяет выявить ключевую асимметрию восприятия: для центра безопасность — это декларирование о защите от коррупции и внутренних рисков; для периферии — физическое выживание и сохранение идентичности. Центр склонен к горизонтальной солидарности и медиа-репрезентации; периферия — к вертикальной иерархии и моральному авторитету.

Таблица 14. Зоны уязвимости и возможного воздействия

Сегмент	Когнитивные искажения	Потенциальные рычаги воздействия
Центр (Ереван)	Эффект доступности, эффект ложного консенсуса	Эффективный фрейминг через метанарративы «европеизации»
Периферия	Эффект утраты, эффект осаждённой крепости	Апелляция к идентичности, памяти, духовной устойчивости

Пересечение слоёв	Эффект фрейминга, эвристика «мы против них»	Меметический синтез (традиции + безопасность + субъектность)
-------------------	---	--

Таким образом, разрыв по линии «центр – периферия» — это не только пространственный, но и когнитивно-культурный конфликт. Он конституирует две разные Армении: одну — глобализованную, ориентированную на европейские нормы и либеральные институты; другую — традиционную, связанную вокруг образов чести, утраты и экзистенциального неприятия переформатирования идентичности. Одна из ключевых архитектурных особенностей армянского общества - дихотомия.

3.2. Конфликт поколений

Армянское общество демонстрирует явную возрастную стратификацию, в которой различие между поколениями выходит за рамки биологического и становится **мировоззренческим, идентичностным и медиапсихологическим**. Три ключевые возрастные когорты — молодёжь (18–35 лет), среднее поколение (35–60) и старшее поколение (60+) — формируют **разные картины мира**, живут в несовпадающих нарративах и реагируют на политическую нестабильность с противоположными установками.

Молодёжь, особенно городская и информационно сетевая, стала ядром «бархатной революции» 2018 года. Большинство этого поколения транслирует ценности мобильности, личной свободы, профессионального успеха и европейской субъектности. Они менее связаны с традиционной моделью государственности и часто воспринимают Россию больше как внешнее ограничение, чем как стратегического союзника. В медиапотреблении доминируют YouTube, Telegram, Instagram; доверие к ТВ и официальным медиа минимально. Они открыты к протестной активности, но в кризисе доверия легко скатываются в политическую апатию или иронию.

Среднее поколение — это промежуточная когорта, разорванная между двумя культурными архетипами: с одной стороны, оно пережило распад СССР, военный опыт 90-х и экономические шоки; с другой — активно адаптировалось к новым социальным структурам. Оно прагматично, ценит стабильность, ориентировано на экономический результат. В кризисных ситуациях склонно к молчаливому сопротивлению и пассивному саботажу, а не открытому конфликту. Это поколение — показало серьёзную поддержку Пашиняна в 2018, но после Карабаха-2020 его позиции в этой среде резко ослабли.

Старшее поколение остаётся основным носителем **советской идентичности**, коллективного исторического сознания и сакральных форм национального представления. Люди этого поколения лояльны России, патриотически ориентированы и тяжело переживают потерю Арцаха, религиозная идентичность, уважение к армии и апелляция к памяти — ключевые рамки их политической ориентации. Медиапотребление концентрировано вокруг телевидения, радио и печатных изданий; цифровая среда воспринимается фрагментарно. Это поколение крайне чувствительно к нарративам «предательства» и «унижения» — именно через них возможно формирование сильных реакций вплоть до мобилизации.

Методы когнитивного анализа демонстрируют: молодежь оперирует эвристикой личной выгоды и эмоциональной насыщенности (мемы, визуал, быстрая смена сюжетов); старшее поколение — эвристикой морального долга и исторического кода. Между ними отсутствует когнитивный мост — взаимное непонимание углубляет общественный конфликт. Фреймы «новой Армении» и «традиционной нации» циркулируют без перекрёстной адаптации, формируя отдельные зоны восприятия и лояльности.

Таким образом, конфликт поколений в Армении — это не просто разрыв ценностей, а **дивергенция когнитивных ландшафтов**, в которых каждый возрастной слой живёт в собственной версии страны. Это создаёт уязвимость для стратегической поляризации, но также возможность для избирательного фрейминга и программируемых альянсов между когортами на основе синтеза символов и обещаний.

3.3. Класово-социальное расщепление

Армения переживает не только политическую и поколенческую поляризацию, но и всё более заметное **класово-социальное расщепление**, придающее конфликту глубинно-структурный характер. Общество де-факто делится на два доминирующих слоя: условный «глобализованный класс» (госслужащие, грантовые НПО, IT-сектор, креативная молодёжь), и **«социальный бэкграунд»** — сельское население, рабочие, пенсионеры, малообеспеченные семьи и постсоветский офицерский слой.

Таблица 15. Сравнительная таблица Глобализированный класс vs Социальное большинство

Параметр	Глобализированный класс	Социальное большинство (традиционный слой)

Социальный статус	IT-специалисты, чиновники, НПО, молодые креативные специалисты	Пенсионеры, ветераны, рабочие, крестьяне, постсоветская армия
География	Ереван, Гюмри, Ванадзор	Периферия, сёла, малые города
Доход	Гранты, стартапы, зарплаты в долларах	Ремесло, фермерство, пенсии, тесные финансовые связи с Россией
Образование	Высшее, часто с зарубежным компонентом	Среднее, техническое или профессиональное
Ценности	Либерализм, прозрачность, индивидуализм	Коллективизм, честь, консерватизм, сакральность
Медиа-каналы	YouTube, Telegram, Instagram, англоязычные ресурсы	ТВ, радио, оффлайн СМИ, Telegram-каналы с традиционалистским уклоном
Отношение к реформам	Позитивное, «Армения как проект»	Скептическое, «эксперименты над нацией»
Отношение к России и Западу	Прозападный вектор, либеральные реформы	Пророссийская курс, историческая память и надежное развитие в союзе

Первый слой — это ядро прозападной либерализации. Он живёт в Ереване и крупных городах, интегрирован в глобалистские экономические и коммуникационные цепочки, участвует в грантовых проектах, ориентируется на цифровую карьеру и управленческий рост. Эти люди говорят на языке реформ, либерализма, прозрачности и инклюзии, чаще всего имеют опыт зарубежного образования или стажировок. Их медиаполе — цифровое и англоязычное. Они составляют кадровую основу управленческих структур, новых медиа и НПО, поддерживаемых западными фондами.

Второй слой, куда входит большинство населения, воспринимает эту группу с настороженностью. В восприятии традиционалистских кругов справедливы опасения в отношении городской прозападной элиты, которая опасна для суверенитета: она продвигает чуждые ценности, ослабляет армию, размывает национальную идентичность, подрывает базовые филогенетические

связи и символы (Арцах, Россия, армянская церковь). Социальный антагонизм усиливается тем, что этот слой страдает от экономической уязвимости из-за вестернизации.

Таблица 16. Уязвимости и векторы воздействия

Слой	Когнитивные искажения	Уязвимости	Информационные рычаги
Глобализованный класс	Эффект ложного консенсуса, эхо-камера	Отсутствие глубинной легитимности среди населения	Космополитические нарративы, цифровая эстетика
Социальное большинство	Эффект утраты, эффект «сакрального центра»	Экономическая уязвимость, культурная изоляция	Нарративы о справедливости, сакральной преемственности

Когнитивно эти слои оперируют разными эпистемологиями. Условный «глобальный класс» социализирован через идеологию вестернизации, либеральную риторику, инклюзивность и мультикультурность. Тогда как социальное большинство использует нарративную схему «наш – чужой», оценочную этическую систему понимания «честь» и склонно к традиционным структурам, устойчивым к внешним влияниям.

Медиаанализ комментариев, публичных дискуссий и Telegram-среды выявляет устойчивую горизонтальную зависть и чувство культурного унижения со стороны «низов». Этот эффект усиливается, когда власть ассоциируется с НПО – грантовыми слоями и его информационной риторикой, которая занимается двойным переформатированием — социальной и идеологической идентичности.

Таким образом, классовое расщепление в Армении носит **не только экономический, но и символический характер**, что делает его особенно сложным в периоды нестабильности. Оно развивается в социальную дестабилизацию и латентного саботажа прозападных кодировок. Их основные триггерные реперы завязаны на филогенетических фреймированных нарративах о справедливости, национальном единстве и сохранения субъективности.

3.4. Идентичностные фреймы

Идентичностное поле Армении сегодня представляет собой **расщеплённую матрицу смыслов**, в которой несколько несовместимых нарративов борются за монополию на образ

«армянства», «государственности» и «исторического пути». Эти фреймы определяют не только общественные настроения, но и поведение элит, медиастратегий и внешних акторов, взаимодействующих с армянским обществом. Идентичность здесь — не данность, а **политически и медийно сконструированное поле мобилизации**.

Первый устойчивый фрейм — **традиционалистский (национально-консервативный)**. Его носителями являются ветеранские и силовые структуры, Армянская Апостольская Церковь, большая часть периферии и диаспоры в России и Иране. Этот фрейм опирается на сакральные образы: Арцах как символ жертвенности и правды, Россия как защитник, армия как гарантия национального бытия, церковь как институт преемственности. В его логике пренебрежение к филогенетическим связям и традициям неприемлемо, а любое ослабление субъектности — удар по идентичности. Политическая активность в этом фрейме выражается не протестом, а **мобилизацией вокруг символов (креста, флага, карабахского кейса)**.

Таблица 17. Стратификация идентичностных фреймов в армянском обществе

Фрейм	Основные носители	Ценности и нарративы	Отношение к Карабаху	Отношение к России	Отношение к Западу	Медиапрофиль
1. Традиционалистский (национально-консервативный)	Церковь, ветераны, армия, пожилое население, диаспора в РФ/Иране	Честь, преемственность, Арцах как сакральная миссия, духовность, историческая справедливость	Символ национального бытия	Стратегический союзник, культурный «старший брат»	Восприятие как угрозы традициям	Часть ТВ, церковные СМИ, офлайн-месседжи, консервативные Telegram
2. Космополитический (либерально-глобалистский)	Молодёжь, НПО, ИТ-сектор, западная диаспора	Западная демократия, права человека, европейский проект, мобильность, диджитализация	Проблема/бремя, затяжной конфликт	Имперское наследие, сдерживающий фактор	Модель будущего, гарант безопасности	Часть ТВ YouTube, Instagram, медиа-стартапы, Telegram

3. Посттравматический (апатриотичный/ иронический)	Цифровые субкультуры, разочарованные молодые активисты	Цинизм, ирония, потеря веры, отказ от патриотических триггеров	Источник боли, тема табу	Безразличие или разочарование	Недоверие, сарказм по отношению к «евростандарту»	Мем-каналы, анонимные Telegram-чаты, TikTok, чёрный юмор
4. Неонационалистический (радикально- субъектный)	Радикальные офицеры, националисты, часть мигрантов в диаспоре	Суверенитет, очищение, мобилизация, антилиберализм, политическая чистка	Священная земля, предательство недопустимо	Братский, но «пассивный» союзник, требующий давления	Агент внешней колонизации	Telegram-группы, «сливы», ультра- патриотические паблики

Противоположный — **глобалистско-космополитический фрейм**, распространённый среди большей части урбанизированной молодёжи, НПО-среды, ИТ-кластера и диаспоры Запада. Здесь идентичность носит **проектный характер**: Армения как «страна будущего», «европейская демократия на Кавказе», мультикультурализм, инклюзивность, институты вместо традиции. Карабах рассматривается скорее как бремя, чем как миссия; Россия — как угроза суверенитету; а традиционные структуры — как барьеры для либеральных реформ. Этот фрейм структурирован через язык инклюзии, диджитализации и гражданского активизма.

Между ними расположен **третий фрейм — посттравматический или «апатриотический»**. Это реакция общества на неудачи последних лет: поражение в войне, дезориентация политической элиты, международное бессилие. Здесь идентичность не формируется, а **отвергается**. Характерны деполитизация, цинизм, насмешка над любым патриотизмом. Когнитивный стиль — ирония, мемы, моральный нигилизм. Такой фрейм особенно распространён в цифровых субкультурах и у молодёжи, пережившей крах ожиданий после 2018 года и Карабаха-2020.

Существует также **находящийся в меньшинстве, но голосистый фрейм «армянского неонационализма»** радикального толка. Его носители — часть офицерского и интеллектуального корпуса, национал-популистские группы в Telegram, радикализованные мигранты в диаспоре. Они выступают за мобилизационный разворот, суверенизацию, чистку прозападных структур. В языке — резкий антиглобализм, риторика «последнего бастиона», антизападничество, иногда — антилиберальный эссенциализм.

Анализ показывает, что фреймы не просто сосуществуют — они **конфликтуют и исключают друг друга**, формируя когнитивные гетто. Политические и медиа-акторы, не учитывающие эту фрагментацию, оказываются заложниками «одного языка». Эффективная работа с обществом возможна при использовании **адаптивных фрейм-интерфейсов**, позволяющих синтезировать ценности между группами (например: «церковь как институт модернизации», «армия как носитель реформ», «Арцах как моральный опыт, а не только территория»).

Идентичностные фреймы в Армении являются одновременно источником стабильности (через принадлежность) и риска (через взаимное отрицание). В условиях транзита именно фреймы, а не партии, определяют, **чья Армения победит — сакральная, процедурная, или постидентичная**.

3.5. Медийные и когнитивные фильтры

Современное медиапотребление в Армении перестало быть линейным — оно стало **сегментированным, алгоритмически управляемым и фреймированным**. Каждый слой общества потребляет информацию через собственные когнитивные фильтры, усиливающие поляризацию и снижая кросс-коммуникацию между аудиториями. Армянское информационное поле, несмотря на формальную открытость, на деле состоит из **параллельных медиареальностей**, часто враждебных друг другу.

На первом уровне наблюдается **цифровой раскол** по поколениям и типам лояльности. Молодёжь массово ориентирована на YouTube, Telegram, TikTok, Instagram. Контент здесь быстро оборачиваемый, визуальный, эмоционально насыщенный. Его функция — не убеждение, а **вовлечение, нормализация и меметизация повестки**. Особенно важны Telegram-каналы с антисистемной или неолиберальной стилистикой («Баграмян 26», «Арменианс», «Антипашинян», «Ашот против всех» и др.). Это создаёт эффект информационной эхо-камеры, где убеждения не формируются, а **подтверждаются уже существующие установки**.

Средний возраст предпочитает «гибридную» медиапотребительскую стратегию: телевизор как фоновый источник, интернет — как проверочный и комментирующий. Тут важен **двойной фильтр**: сначала эмоциональное восприятие (интуитивная реакция), затем — рационализация (через личный опыт или авторитетный канал). Это делает их уязвимыми к фреймингу: как преподносится информация — важнее, чем её содержание (эффект фрейминга по Канеману).

Старшее поколение (60+) остаётся лояльным традиционным СМИ: телевидению, газетам, радио. Однако важным аспектом является не просто формат, а **ритуальная функция информации** — не узнать, а подтвердить порядок вещей. ТВ в этой группе — это не источник новостей, а

репродуктор реальности. Часто их восприятие склонно к «замещению сложного вопроса простым» (substitution heuristic), нередко без анализа геополитических факторов.

Наряду с возрастной фильтрацией работает **фильтрация доверия**: медиаресурсы не воспринимаются как нейтральные — каждый СМИ получает ярлык. «Свобода» — «грантоеды», «Первый канал» — «Пашиняновский», «Sputnik» — «российская пропаганда». Доверие — аффективная категория, привязанная к ценностному и идентичностному соответствию.

Таблица 18. Когнитивно-медийное расслоение армянского общества

Социальная когорта	Основные медиаплатформы	Формат потребления	Когнитивные искажения	Роль информации	Уязвимость к манипуляциям
Молодёжь (18–35)	Telegram, YouTube, TikTok, Instagram	Визуальное, меметическое, ротационное	Эффект доступности, эхо-камера, социальное доказательство	Социальная навигация, символическое позиционирование	Высокая подверженность меметическое фреймирование и влияние инфлюэнсеров
Средний возраст (35–60)	ТВ + интернет (Facebook, YouTube, Telegram)	Гибридное: новость + эмоция + анализ	Эффект фрейминга, подмена сложного вопроса простым	Сравнение с опытом, проверка лояльности	Уязвимы к эмоционально упакованным рационализациям
Пожилые (60+)	Телевидение, радио, печатные СМИ	Ритуальное, доверительное, вертикальное	Эвристика замещения, когнитивная ригидность	Подтверждение привычного порядка, сакрализация власти	Высокая уязвимость к теле-фреймированию

Алгоритмические платформы (YouTube, Telegram, TikTok) усиливают **селективную доступность** — пользователи чаще видят то, что подтверждает их картину мира (availability heuristic). Это создаёт «информационные купола» — замкнутые кластеры восприятия, где внешняя аргументация вызывает агрессию или игнорируется как чужеродная.

Фильтры работают также на уровне языка и нарратива. Например, термин «Запад» может означать для разных аудиторий «цивилизацию» или «угрозу», а «Россия» — «брат» или «помеха». Это языковая амбивалентность, порождающая **когнитивную турбулентность**, где слово утрачивает устойчивую эмоциональную нагрузку.

Медиаполе Армении — это не просто арена распространения информации, а **поле перцептивной борьбы**, где побеждает не тот, кто громче, а тот, кто встроен в когнитивные шаблоны аудитории. Для стратегического влияния важно учитывать:

- кому говорят;
- через какие платформы;
- в каком коде доверия;
- и в какой эмоционально-когнитивной структуре будет интерпретировано сообщение.

Эта ситуация одновременно открывает возможности для точечного воздействия — и несёт риски для системной коммуникации в условиях кризиса.

4. Уровень легитимности и управляемости

4.1. Источники и уровни легитимности

Вопрос легитимности власти в Армении после 2018 года проходит **четыре стадии трансформации**: революционная мобилизация → институционализация → делегитимация после Карабаха → адаптационный режим выживания. Каждая стадия опиралась на разный источник легитимности, и сегодня все они находятся в **состоянии эрозии, фрагментации или внешней зависимости**.

Электоральная легитимность

Формально Пашинян обладает мандатом через выборы 2018 и 2021 годов. Однако:

- **Выборы 2021** проходили на фоне военного поражения и обвинений в предательстве.
- Рекордно высокая явка в 2018 (более 70%) сменилась **апатией и недоверием** — участие в 2021 упало до 49,4%.
- Социальная легитимность выборов **оспаривается консервативными элитами**, церковью, частью армии и периферии.

Электоральная легитимность — **формально сохранена**, но **де-факто частично отвергается** влиятельными группами.

Рисунок 1. Четыре стадии трансформации легитимности

Харизматическая легитимность

Пашинян в 2018–2020 году строил власть на харизме "простого человека", "антисистемного журналиста", "человека из народа":

- Этот ресурс позволил ему провести правительственные ротации без массового сопротивления.
- Однако после **Карабаха-2020**, харизма стала токсичной: её восприятие трансформировалось в обвинение в некомпетентности, а популистский стиль — в признак дилетантизма.
- Сегодня харизма сохраняется **в пределах цифровой молодёжной аудитории**, но **утрачена в массах и элитах**.

Итог: **харизматическая легитимность деградировала**, уступив место институциональной рутине и цифровому контролю.

Институциональная легитимность

Институты государства (парламент, суды, армия, органы СК и МВД):

- Формально подчинены законам, но **функционируют в логике вертикального подчинения премьеру**.
- Суды и прокуратура зависимы от премьерской вертикали, а армия политически нейтрализована.
- Парламент — **инструмент исполнительной воли**, не субъект, а канал.

Общественное доверие к институтам **низкое** (по данным Gallup International 2023, менее 25% доверяют судам и парламенту).

Институциональная легитимность — **симулятивна**, поддерживается внешними кураторами (ЕС) и нуждается в постоянном информационном сопровождении.

Легитимность в глазах элит

- Прозападные элиты (молодёжь, НПО, грантовые структуры, часть диаспоры) — воспринимают Пашиняна как **функционального технократа**, «менее плохого».
- Консервативные элиты (военные, церковь, офлайн-бизнес, региональные лидеры) — считают его **временным фактором**, удобным для «разложения» системы, но не субъектом государственности.
- Элитное одобрение **пропорционально потоку иностранных грантов и проектной поддержки**.

Элитная легитимность — **ситуационная**, базируется на прагматике, а не уважении или стратегической поддержке.

Внешняя легитимация

- **Запад (ЕС, Франция, глобалисты США)** продолжает рассматривать Пашиняна как операционного носителя либеральных реформ.
 - Он воспринимается как **надёжный**, потому что управляемый и слабый.
 - Легитимность поддерживается через финансовые программы, PR-ресурсы, диаспорные лобби.
- **Россия** — сохраняет дипломатическое признание, но **в публичном дискурсе нейтральна**, а в неофициальном — выражает разочарование и недоверие.
- **Иран** — сохраняет нейтральный, но дистанционный тон, воспринимая Пашиняна как временное звено.

Внешняя легитимность работает как **опора на внешнюю проекцию доверия**, компенсирующая внутренние дефициты, но увеличивающая уязвимость.

Легитимность власти в Армении — **многослойна, фрагментирована и опосредована**. Её устойчивость не основана на глубинном консенсусе, а на:

- ситуативной лояльности элит,
- внешней поддержке реформаторов,
- апатии и демобилизации масс.

Такая структура делает систему одновременно **гибкой и хрупкой**, создавая **пространство для управляемых сбоев**, когнитивной переориентации населения и формирования альтернативных центров легитимности.

4.2. Факторы подрыва легитимности

После 2020 года в Армении наблюдается **последовательная эрозия легитимности власти**, выраженная не столько в протестах, сколько в накоплении **тектонического недоверия**, снижении институционального уважения и потере сакральной функции управления. Факторы подрыва легитимности встраиваются в повседневное мышление, язык, эмоции и медийные привычки граждан. Их можно классифицировать по пяти ключевым направлениям.

Факторы подрыва легитимности в Армении действуют **не через шок, а через накопление, инерцию и символический отрыв власти от общества**. Делегитимация здесь — не протестная, а **структурно-цифровая, ментально-ироническая и идентичностно-распадающаяся**.

Таблица 19. Классификация направлений эрозии легитимности

Военно-политический крах Карабаха (2020–2023)	• Проигранная война и потеря Арцаха деконструировали главную опору национального нарратива, сделав Пашиняна фигурой поражения. • Публичное восприятие воспринимает утрату как результат предательства, некомпетентности или капитуляции, а не как результат «объективной слабости». • Утрата Карабаха превратилась в точку идентичностного сдвига, где власть — не защитник, а разрушитель. Эффект: появление образа власти-предателя, особенно в среде ветеранов, офицеров, церковных структур и большинства населения.
Информационная и символическая фрустрация	• После революции 2018 года Пашинян обещал «новую Армению», но вместо реформ — репутационные потери, неисполненные ожидания и деполитизация. • В массовом сознании произошёл разрыв между нарративом и реальностью, что вызвало эффект "переобещания" (overpromising). • Постоянная смена повестки, отсутствие последовательности в объяснении провалов → усиливают ощущение управленческого хаоса. Эффект: формирование циничного или иронического сознания (особенно среди молодёжи), где любое высказывание власти воспринимается как ложь или фарс.
Конфликты с базовыми носителями сакральной легитимности	• Армянская Апостольская Церковь, офицерский корпус, а также часть интеллигенции — традиционные носители моральной санкции власти — были либо игнорированы, либо открыто маргинализированы. • Конфликты с церковью (в том числе по вопросу гендера и реформ) трактуются как духовное отпадение режима от «армянской идентичности». • Публичные репрессии против генералов, ветеранов и духовенства усилили представление о власти как антинародной и аморальной. Эффект: углубление раскола между центром и символическим ядром общества, подрыв "невидимого контракта" между государством и нацией
Цифровая делегитимация	• Telegram-каналы, YouTube-блогеры, TikTok-субкультуры создали поток перманентной иронической подрывной коммуникации. • Мемы, «утечки», нарративы о «Пашиняне-клоуне», «продажном лузере» или «марионетке Сороса» стали медиа-языком повседневного обесценивания.

(информационные векторы)	• Произошёл переход от политической критики → к символическому уничтожению → к постироническому игнорированию. Эффект: информационный распад институционального уважения , когда власть воспринимается не как авторитет, а как объект цифровой насмешки.
Геополитическая дезориентация и двойной стандарт	• Смена вектора с Россией на Запад не сопровождалась внятной риторикой, стратегией или результатами, создавая ощущение геополитического вакуума. • Запад выступает как донор, но не гарант безопасности; Россия — как отталкиваемый союзник (с которым пытаются разорвать связи), но остающийся актором. • Власть застряла между двумя системами, потеряв доверие обеих сторон. Эффект: формирование фрейма " власть — безнаправленный вассал ", что разрушает образ самостоятельного субъекта и демобилизует даже лояльных.

4.3. Управляемость: состояние исполнительной и управленческой вертикали

Несмотря на формальное сохранение государственного аппарата, в Армении нарастает **функциональная эрозия управляемости**, проявляющаяся в утрате глубинного контроля над регионами, ослаблении межведомственной координации, снижении эффективности реагирования и падении уважения к административным структурам. Управляемость власти Пашиняна следует рассматривать в трёх взаимосвязанных аспектах: **техническом, политическом и психологическом**.

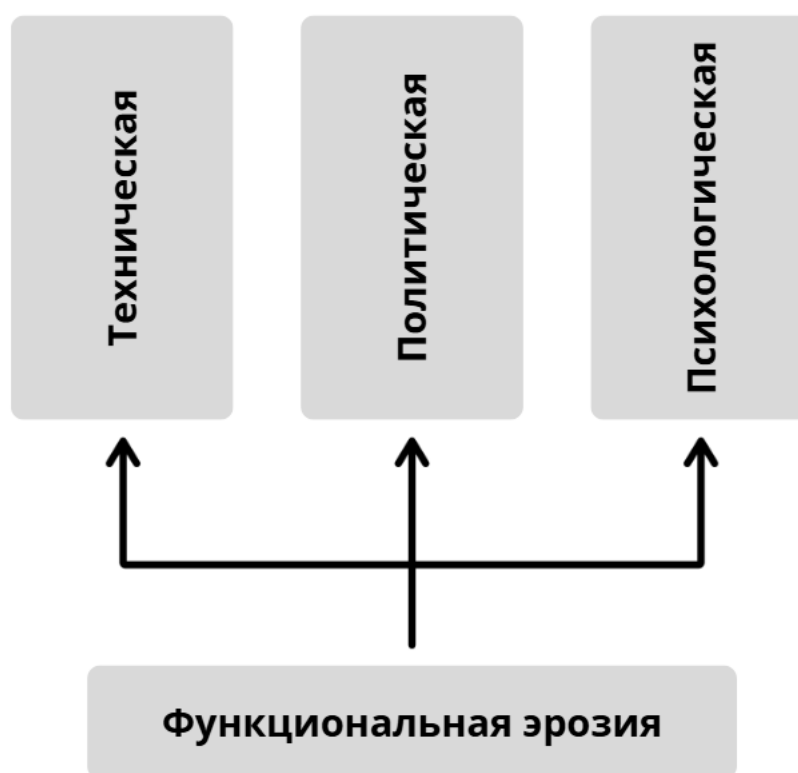

Рисунок 2. Структура функциональной эрозии управляемости

Административная вертикаль: управляемость на бумаге

Вся административная структура формально централизована: главы областей назначаются правительством, аппарат премьер-министра контролирует бюджеты и назначенцев.

Однако **реальная управляемость ограничена тремя уровнями:**

- **Столичный и Центральная (Ереван):** вертикаль действует эффективно, включая цифровизацию, налоговый контроль, кадровую мобильность.
- **Полупериферийный (Гюмри, Ванадзор):** наблюдается условное подчинение центру, локальные кланы и группы имеют манёвренность.
- **Отдалённые регионы (Сюник, Тавуш):** вертикаль работает частично, лояльность низкая, часто замещена неформальными структурами.

Управляемость носит **асимметричный характер**, с сильным ядром и рыхлой периферией.

Исполнительная способность: кризисное реагирование и ресурсное планирование

Управление в кризисных условиях (Карабах, миграционные волны, инфраструктурные сбои)

выявило:

- **низкий уровень институциональной координации,**
- **зависимость от внешних доноров и программ (ЕС, ВОЗ, OSF),**
- **бюрократизацию вместо оперативного управления.**

Государственный аппарат не обладает резервной прочностью: кадровый голод, демотивация, низкие зарплаты, текучка. Это ослабляет способность к **инициативному управлению**.

В случае масштабного кризиса (например, новая военная эскалация) **возможна резкая деморализация и фрагментация госаппарата.**

Таблица 20. Контроль над ключевыми секторами

Сектор	Уровень контроля	Уязвимости
Финансы и налоги	Относительно стабилен	Зависимость от донорских программ
Силовой аппарат	Частично подконтролен	Латентная нелояльность военных офицеров, пассивная демобилизация
Информационное поле	Активный контроль	Утечка в Telegram-экосистему, цифровой саботаж
Здравоохранение	Проектно-управляемый	Ориентирован на внешние ресурсы
Образование	Сильно политизировано	Поляризация на «патриотическое» и «либеральное» ядра

Координация между институтами: эффект «информационного разрыва»

Органы власти действуют **в режиме изоляции**:

- Министерства часто дублируют функции, избегая горизонтального обмена.
- Силовой блок отчасти автономен, не всегда реагирует на команды гражданской вертикали.
- Местное самоуправление — слабое, ресурсно зависимое, но с неформальными лидерами.

Коммуникационные сбои между уровнями управления усиливаются из-за:

- недоверия к низовому аппарату,
- постоянной ротации кадров,
- страха принятия решений на местах (ответственность не гарантирована, а наказуемость — вероятна).

Эффект: **низкий уровень инициативы и самоуправления**, управляемость сводится к узкому ядру под Пашиняном, которое перегружено и изолировано.

Власть Пашиняна опирается на **сильно централизованную, но хрупкую административную модель**, где:

- управляемость обеспечивается не институциональной устойчивостью, а **персональной лояльностью и цифровым мониторингом**,
- любая внешняя турбулентность (война, миграция, внутренние протесты) может привести к **операционному параличу**,
- долгосрочная эффективность подрывается **недоверием, перегрузкой центра и отсутствием среднего звена с субъектностью**.

Ситуация характеризуется как **“вертикальная усталость”**, когда структура внешне держится, но изнутри страдает от инерции, страха и неадекватной передачи решений.

4.4. Внешняя управляемость

После 2018 года Армения вошла в уникальную фазу **внешне модерированной управляемости**, где ключевые функции нормирования, финансирования, кадрового наполнения и информационного моделирования в ряде сфер осуществляются через **внешние (экзогенные) структуры**. Это не классическая внешняя зависимость, а **модель программного проектирования институциональной среды**, характерная для слабых государств с прозападным вектором.

Таблица 21. Ключевые акторы внешнего влияния

Актор	Механизмы влияния	Зоны контроля и интереса
ЕС (Delegation to Armenia, EBRD)	Прямое финансирование институциональных реформ, экспертиза, гранты, миссии	Суды, прокуратура, антикоррупционные органы, реформы МИД
США (USAID, Госдеп)	Политическая поддержка, кадровое влияние через НПО, подготовка госслужащих	НПО-сфера, местное самоуправление, медиа, образование

Франция	Дипломатическое покровительство, символическая поддержка Пашиняна	Культурная политика, армянская диаспора, безопасность
Германия (Konrad Adenauer, GIZ)	Образовательные и технократические проекты	Местное управление, публичная администрация
Фонд Сороса (Open Society Foundations)	Поддержка прозападного активизма, НПО, юридической реформы	Судебная система, медиа, молодёжные сообщества

Формы и глубина внешней управляемости

- **Нормативная:** законодательства по правам человека, децентрализации, гендерной политике — во многом синхронизированы с евроинституциями.
- **Финансовая:** бюджеты НПО, частично министерств, образовательных программ и даже некоторых парламентских комитетов — обеспечиваются за счёт внешних фондов.
- **Кадровая:** программы подготовки госслужащих, журналистов и судей — зависят от международных тренингов и сертификаций.
- **Информационная:** часть медиаполя структурно зависит от западных «партнёров» (через редакционные гранты, контент-платформы, платформенную модерацию).

Таблица 22. Степень внешней управляемости по секторам

Сектор	Уровень внешней управляемости	Преобладающий актор
Судебная реформа	Высокий	ЕС, Фонд Сороса
Местное самоуправление	Средний–высокий	GIZ, USAID
Образование и культура	Средний	Франция, Германия
Медиа	Средний	OSF, NED, USAID
Военная политика	Низкий	Россия (остаточное влияние)
Энергетика и транспорт	Смешанный	Россия, Иран, Китай

Риски и амбивалентности внешней управляемости

- **Риск внутреннего отторжения:** западное влияние справедливо воспринимается как колониальное — особенно в провинциях, среди ветеранов, церкви, традиционалистов.
- **Парадокс "технологической демократизации":** внешняя управляемость повышает административную эффективность, но уничтожает субъектность государства.

- **Геополитическое фрагментирование:** зависимость от Запада увеличивает напряжённость в отношениях с ЕАЭС, Ираном, и внутри армянской диаспоры.

Внешняя управляемость Армении — это **не принуждение, а контрактное проектирование**, где национальные институты функционируют в логике soft trusteeship (мягкого внешнего попечительства). Такая система:

- обеспечивает стабильность на уровне фасада,
- обостряет внутренние линии отчуждения,
- создаёт "группы интереса", лояльные не нации, а донору.

В случае геополитического сдвига (например, отказ ЕС от финансирования или конфликт с Западом) эта структура **может быстро демонтироваться**, оставив аппарат без поддержки и легитимации.

4.5. Потенциальные сценарии изменения управляемости

Управляемость в Армении не является статичным параметром — она подвержена колебаниям в зависимости от **кризисных триггеров, внешнеполитических поворотов, внутренних мобилизаций и институциональных сбоев**. Сценарный подход позволяет смоделировать вероятные траектории изменения управляемости и предсказать связанные с ними риски и окна возможностей.

Сценарий	Условия	Хар-ка	Риски
Укрепление управляемости за счёт технократической стабилизации	• Рост внешней поддержки (ЕС, Франция, США); • Усиление цифрового контроля; • Консервация текущего правящего класса; • Отсутствие крупных военных или региональных потрясений.	• Усиление фасадной институциональности; • Повышение эффективности госаппарата при одновременной политической деполаризации; • Снижение видимой конфронтации элит при сохранении фундаментального раскола.	• Углубление внешней зависимости; • Информационный цинизм; • Зависимость управляемости от поддержки доноров.
Институциональный дрейф и управленческая эрозия	• Рост недовольства в регионах и силовых структурах; • Усталость бюрократии, текучка, саботаж на местах; • Отток интеллектуального и организационного ресурса из госаппарата.	• Управляемость сохраняется в столице и витринных секторах, но разрушается на периферии; • Офис премьера перегружен; принятие решений — реактивное и ситуативное; • Фактическая утрата координации между ветвями власти.	• Разрыв вертикали; • Рост нелегитимных центров власти (церковь, местные лидеры, военные).
Гибридная реструктуризация с возвратом к элитному компромиссу	• Переформатирование системы с привлечением части оппозиционных элит; • Создание "правительства национального спасения" или иных коалиционных моделей; • Медиа- и элитное давление на Пашиняна, вынуждающее к переговорам.	• Частичная делегитимация Пашиняна компенсируется реставрацией старых элит в мягком формате; • Стабилизация через включение консервативных структур в управленческую цепочку; • Возможен переход к модели «президент–премьер–совет» с балансом влияний.	• Временность консенсуса; • Рост ожиданий радикальных перемен; • Внутренние конфликты в новой коалиции.
Кризисный обвал управляемости (контрэлитная мобилизация)	• Новая эскалация с Азербайджаном или Турцией; • Резкое падение доверия к центральной власти; • Массовая мобилизация офицерского корпуса, ветеранов, церкви и оппозиции	• Образование параллельных центров принятия решений; • Нарушение коммуникации между уровнями управления; • Утрата монополии на насилие.	• Деструктивная трансформация режима; • Вмешательство внешних акторов (в т.ч. России, Турции, Ирана); • Возможная утрата части управляемой территории

Сценарии изменения управляемости в Армении опираются не столько на институты, сколько на баланс **персоналистской власти, цифрового контроля, внешней поддержки и элитного терпения**. Любое отклонение в одном из этих элементов может запустить **эффект домино**, где управляемость исчезает внезапно, а не постепенно.

5. Выводы

Политическая система Армении после 2018 года трансформировалась в уникальный формат **технократического персонализма**, где фасад парламентской демократии сочетается с монополизацией власти в руках одного политико-информационного центра. Раздел I показал, что формально-институциональная структура построена вокруг премьера Пашиняна, однако опирается не на прочные институты, а на **сетевую управленческую оболочку**, замкнутую на цифровое управление, персональную мобилизацию и внешнюю донорскую легитимацию.

Этот централизованный формат сталкивается с множественными точками давления, исходящими из **гетерогенной элитной среды**. Раздел II выявил, что армянское политическое поле фрагментировано: консервативно-патриотический (оппозиционный) блок, апостольская церковь, ветераны, армия, а также региональные лидеры и диаспоры представляют **альтернативные символические и властные ядра**, находящиеся в конфронтации или латентной конкуренции с правящей группой. Эти группы обладают разной степенью влияния, но сходятся в ключевом тезисе: режим Пашиняна не соответствует ожиданиям большинства — ни как защитник, ни как обновитель армянской государственности.

Линии социальной поляризации (раздел III) — не только территориальные (центр/периферия), но и ментальные, поколенчески-культурные, институциональные и цивилизационно-геополитические. Городская молодёжь, ориентированная на Запад, вступает в противоречие с периферийным населением, воспринимающим глобалистско-либеральные перемены как культурную десакрализацию (иначе говоря отторгают реформативное). Армия и церковь деморализованы, но сохраняют легитимность в глазах значительной части общества, а региональные элиты чувствуют себя отчуждёнными от центра. Внутренний конфликт в Армении — это не просто оппозиция против власти, а **конфликт моделей армянской идентичности**: постнациональной, секулярно-глобалистской и традиционалистской, этноцентрической.

На этом фоне управляемость (раздел IV) оказывается **неустойчивой, асимметричной и программно зависимой**. Пашинян сохраняет контроль над административной и информационной вертикалью, но этот контроль построен на ручном управлении, западной поддержке и слабой институциональной переработке. Властные структуры действуют в условиях недоверия, административного страха и медиа-турбулентности. Управляемость удерживается не силой систем, а **отсутствием организационно зрелых альтернатив**, что делает её крайне уязвимой к триггерным

событиям — будь то эскалация конфликта, обвал доверия в кризис, или внешнеполитический поворот.

Формируется модель *постинституционального режима*, где:

- легитимность — временная, эмоционально ситуативная и зависящая от внешней фасадной поддержки;
- элиты — фрагментированы, несут кумулятивный потенциал радикализации;
- народ — поляризован, когнитивно истощён и уходит в либо апатию, либо иронический саботаж;
- управляемость — дестабилизируема через символические удары, а не только политические акции.

Политико-социальная конфигурация Армении — это структура **инерционной стабильности с высокой потенциальной возгораемостью**, где основным полем борьбы становится не власть как таковая, а **право на интерпретацию армянской идентичности, безопасности и будущего**.